

"Причины могут быть хитрыми пройдохами. Действительно трудно избежать проверки своих угрызений совести у двери, когда вы покупаетесь на одну из них."

- Хонор Александер-Харрингтон

КЕВ Император,

Орбита планеты Тешендорф,

Система Гальтон.

Хонор стояла в наблюдательном куполе на верхней палубе Императора. Ее флагман был повернут, и ее глаза были темными и задумчивыми, когда она смотрела на окруженный белыми вихрями сапфир планеты под названием Тешендорф.

Это был не первый раз, когда она стояла в этом наблюдательном куполе, глядя на сдавшуюся планету в звездной системе, которую завоевали корабли под ее командованием. Но на этот раз все было по-другому. Совсем не так.

Та планета называлась Старой Землей, местом рождения человечества, столицей его старейшей и крупнейшей звездной нации. Она могла сбиться с пути, ее управление могло скатиться к коррупции под влиянием закоренелых бюрократов, которые ни перед кем не отчитывались. Но это было олицетворением такой коррупции — и такого величия, — что инфекция, которая привела к ней Большой Альянс, была лишь еще одной интерлюдией, еще одним маленьким пятном на гербе, который показывал гораздо больше, чем любое человеческое существо могло бы с гордостью назвать своим наследием.

И она убила гораздо меньше ее защитников в форме.

Она подумала об Уинстоне Кингсфорде, о мужестве, которое он проявил — и здравомыслии, — когда она потребовала его капитуляции. Эта капитуляция была актом мятежа, по некоторым стандартам, но это также был поступок нравственного человека, который осознал, что бойня зашла слишком далеко. Что дело, за которое его мужчины и женщины проливали кровь, стало слишком коррумпированным, чтобы быть достойным их жертвы.

Кингсфорда не было в Гальтоне.

Возможно, где-то в цепочке командования Гальтона мог быть кто-то его уровня, его готовности смотреть правде в глаза, но если он и был, никто бы никогда об этом не узнал. Что они знали, так это то, что офицеры флота Гальтона позволили губернатору своей системы нарушить условия капитуляции, которые ей были предоставлены. Уничтожить себя и оба своих уцелевших командных форта в ядерной печи вагнеровской мании величия. И начать последнюю атаку — которая, как она, должно быть, знала, не могла увенчаться успехом, это могло быть только последним, посмертным жестом мстительности — который оправдал бы убийство Хонор Александер-Харрингтон каждого живого человека, почти трехсот миллионов человеческих существ, которые обосновались на борту поселений, из которых была совершена эта атака.

Хонор почти могла — почти — понять самоубийство Каролин Адебайо перед лицом разрушения всего, во что она верила, ради чего жила. Но не ракетный удар. Это она могла воспринять умом, то, что сделала Адебайо, но она никогда по-настоящему этого не поймет. Как мог кто-то, поклявшийся защищать, отказаться от всякой ответственности, которая была на ней?

Но, возможно, это было неизбежно, потому что планета, на которую сейчас смотрела Хонор, была совсем не похожа на Старую Терру. У нее была похожая атмосфера, климат, который человечество находило целебным, и присутствие на его поверхности человеческих городов. Но если у Тешендорфа и была эмблема, то она была самой черной, не тронутой вспышками величия, которые освещали историю человечества на его родном мире.

И он даже не осознавал этого.

Ее губы сжались, и она почувствовала неодобрение Нимица к ее настроению с того места, где он лежал, растянувшись на одной из мягких скамеек купола. Он не был с ней не согласен, он только не одобрял мрачности ее эмоций. Чувство, что должен был быть способ превратить Тешендорф во что-то другое, во что-то намного лучшее. Это не было чувством вины от того, что она не приложила руки к созданию Тешендорфа. Нет. То, что она чувствовала, было разочарованием, сожалением... горем. А в отличие от нее, Нимиц не тратил жалости на людей, которые приняли свою собственную внутреннюю тьму.

Прозвучал сигнал, и она обернулась, когда Одри О'Ханрахан вошла в наблюдательный купол. Саймон Хоук и Клиффорд МакГроу последовали за ней, как и Майкл Андерле. За последние пару стандартных месяцев у него и оруженосцев Хонор сложились комфортные рабочие отношения. Она знала, что ее грейсонцам нравился Андерле, и они с Нимицем одобряли защиту, направляемую его мыслесветом в том, что касалось О'Ханрахан. Существовала мощная нить настороженности, когда дело касалось Большого Альянса в целом, и это распространялось на Хонор, но она не завидовала ему за это. Бог свидетель, было достаточно солариан, которые продолжали ненавидеть Большой Альянс и не доверять ему, даже несмотря на то, что их собственные следователи были в процессе раскрытия гор доказательств, которые подтверждали каждое обвинение, выдвинутое Союзниками против их собственного правительства. Если уж на то пошло, все еще было много мантикорцев и хевенитов, которые были далеки от того, чтобы простить друг друга, несмотря на все, чего достиг Большой Альянс.

"Доброе утро, Одри," - сказала она, протягивая ей руку, и О'Ханрахан ее пожала.

"Доброе утро, Ваша Милость."

Журналистка встала рядом с Хонор и повернулась, чтобы вместе с ней взглянуть на планету, и горечь, гнев и ужас в мыслесвете О'Ханрахан превзошли все, что могла почувствовать Хонор.

"Я отправлюсь на Мантикору через несколько дней". Хонор сверкнула короткой улыбкой. "Елизавета хочет услышать отчет из первых рук, и я буду честна; я вернулась на действительную службу только для этого". Она махнула рукой на планету и орбитальные поселения. "У меня трое детей и муж, которые ждут меня, и после этого, — ее губы сжались, — они мне действительно нужны".

* * *

Одри О'Ханрахан кивнула, все еще глядя на планету, которую злой близнец ее Согласия превратил в извращенное логово тьмы. Тьмы еще более ужасной, потому что она родилась, по крайней мере, в том же самом светлом деле, которому О'Ханрахан посвятила свою жизнь. Это было доказательством того, чем могла бы стать великолепная мечта Леонарда Детвейлера — и стала, по крайней мере, здесь, — и это наполнило ее чувством наползающего отвращения, которое даже кто-то, столь одаренный словами, как она, считал бы невозможным выразить.

Она отвела глаза от Тешендорфа и посмотрела на высокую женщину, стоявшую рядом с ней, и чувство тепла разлилось по ней, отодвигая часть этого мрачного гнева и отвращения. Она

хорошо узнала герцогиню Харрингтон за последние пару стандартных месяцев, и Харрингтон сдержала свое слово о доступе. О'Ханрахан присутствовала не на одном собрании штаба герцогини, слушала откровенные дискуссии честных и прямолинейных людей, пытающихся справиться с чем-то, выходящим далеко за рамки их собственного понимания, сохраняя при этом собственную порядочность и здравомыслие. И попутно она обнаружила, что все хорошее, что она когда-либо слышала о Хонор Александер-Харрингтон, было правдой.

Она могла вспомнить еще только одного или двух людей из огромного числа известных общественных деятелей, которых она встречала, о которых она могла бы так сказать. В случае Харрингтон она не могла себе представить, чтобы не сказать этого. Она знала — она просмотрела запись обмена репликами между Харрингтон и Адебайо, сообщение, переданное Харрингтон после последней ракетной атаки, — что Большой Флот был бы полностью оправдан по законам войны и Эриданского Эдикта, если бы он разнес все орбитальные поселения в Гальтоне в щепки.

Но Харрингтон не стала.

Несомненно, были миллиарды солариан, которые никогда не простили бы и не забыли разрушение орбитальной инфраструктуры Солнечной системы в ходе операции "Немезида". И лицо, которое они всегда будут связывать с этим опустошением, будет тем, на которое О'Ханрахан смотрела прямо сейчас. Но по мере того, как все больше и больше правды о Согласии, сердце которого было здесь, в Гальтоне, выходило на свет, тем больше О'Ханрахан начинала ценить сдержанность, проявленную Харрингтон и Большим Альянсом в случае Солнечной Лиги.

И все же эта сдержанность была ничтожна по сравнению с той сдержанностью, которую проявила здесь Харрингтон. Здесь, где она знала, что, наконец, люди, ответственные за все эти смерти, все эти разрушения, были в ее власти. О'Ханрахан по-настоящему не осознавала, пока не посетила Мантикору, насколько большая часть огромной семьи Харрингтон погибла во время Удара Яваты, или что мать Хонор Харрингтон едва не погибла вместе с ними. Теперь она это знала, и тот факт, что женщина, потерявшая так много людей, которых она так нежно любила, не приказала своему флоту открыть огонь по поселениям, из которых было порождено еще больше смертей, выходил далеко за рамки простого удивления.

“Я буду скучать по вам, Ваша Милость”, - сказала О'Ханрахан и улыбнулась. “Я даже буду скучать по Нимицу, который выпрашивал у меня сельдерей!”

Нимиц весело мяукнул со своего мягкого насеста, затем спрыгнул вниз и скользнул к ней, чтобы высоко подняться на лапы и похлопать ее по бедру истинной рукой с длинными пальцами. Она опустила глаза и погладила его по ушам, затем снова посмотрела на Харрингтон с серьезным выражением лица.

“Я хочу поблагодарить вас”, - сказала она. “Вы обещали мне доступ, и вы дали мне все, что обещали. Но не только.” Она покачала головой. “Я никогда не ожидала, что буду присутствовать на ваших штабных совещаниях или присоединюсь к вам и графине Хенке или другим вашим флаг-офицерам за ужином. Возможность поговорить со всеми вами при таких обстоятельствах — особенно с графиней Хенке, не только о Гальтоне, но и о Мезе — была... ну, это было бесценно, Ваша Милость. Это такой доступ, о котором журналист, особенно иностранный, может только мечтать”.

“Все по справедливости, Одри”. Харрингтон слабо улыбнулась. “Я говорила вам, что мы хотели честной перспективы для солариан. Но, очевидно, мы все будем намного счастливее, если

рассматриваемая честная соларианская перспектива будет... благоприятной, скажем так, для Большого Альянса. Наверняка вы поняли, что все эти ужины были просто способом усыпить любые подозрения, которые вы, возможно, все еще лелеяли, и убедить вас, что мы действительно были хорошими ребятами все это время?"

"О, конечно, Ваша Милость." О'Ханрахан закатила глаза, затем фыркнула. "Я признаю, что это убедило меня, но я не могу начать рассказывать вам, сколько политиков, бюрократов и адмиралов действительно пытались играть со мной. Поверьте мне, я могу заметить разницу."

"Хорошо." Улыбка Харрингтон стала шире. "Я вижу, мы преуспели даже больше, чем я надеялась".

О'Ханрахан улыбнулась в ответ и перевела свой взгляд на Тешендорф.

"Значит, графиня Хенке останется здесь?" - спросила она.

"На ближайшее время". Харрингтон кивнула, глядя вместе с ней на планету. "Возможно, с моей стороны трусливо переключать это на нее, но, по крайней мере, у нее был месяц или два дома на Мантикоре, прежде чем ее снова отправили играть в конкистадора. И правда в том, что у нее было больше практики обращения с непокорными планетами, чем у кого-либо еще в Звездной Империи. Ее заместителем будет Лестер Турвиль, а Герцог фон Рабенштранге назначил графа фон Грауэрберга старшим андерманским членом оккупационного командования Тешендорфа. Прямо сейчас, похоже, адмирал Брайэм добьется меньшего успеха, чем я, в уклонении от выполнения задания. Я думаю, она будет представителем протектора Бенджамина."

"Так вот как это будет официально называться? "Оккупационное командование Тешендорфа"?"

"По крайней мере, сейчас". Харрингтон пожала плечами. "Это не очень сексуально, но, по крайней мере, точно. И это лучше, чем называть его "Комитетом по очистке выгребных ям"."

О'Ханрахан скорчила кислую гримасу в знак согласия.

"А что насчет вас?" - спросила Харрингтон, поворачиваясь к ней лицом. "Могу я подбросить вас домой — по крайней мере, до Мантикоры — когда я поеду?"

"Не думаю." О'Ханрахан покачала головой.

"Правда?" Харрингтон подняла бровь. "Вам не терпится вернуться домой и вернуться в таблоиды?"

"Ваша Милость, - усмехнулась О'Ханрахан, - возможно, вы знаете кого-то, кто разбирается в новостях, но я вижу, что вы не одна из них!"

"О?" Эти темные глаза блеснули, и О'Ханрахан поняла, что Харрингтон "пробует" на вкус собственное веселье.

"Ваша Милость, поверьте мне — я уже во всех домашних таблоидах. Это самая большая история за многие поколения. Доказательство того, что действительно существовал мерзкий, злоедающий заговор, направленный на уничтожение всей Солнечной Лиги? Что ваши люди все это время были правы насчет того, как Мандарины позволяли манипулировать собой, из-за чего погибло так много миллионов людей? Это колоссально, и я единственный соларианский репортер, внедренный во флот, который завоевал звездную систему, которую заговорщики

назвали домом. Которому, просто в качестве дополнительного штриха, был предоставлен личный доступ к командующему этим флотом и разрешено смотреть на все, что угодно, на планете или в орбитальных поселениях, что я хотела увидеть. Я так тщательно продумала это для внутренней сенсации, что я почти уверена, что по крайней мере дюжина моих ближайших коллег упала замертво от чистой зависти, когда появилась моя первая записанная история. И я отправила дополнительные отчеты на целый месяц, которые будут выкладываться ежедневно. И теперь, когда я знаю, что вы уезжаете, я отправлю домой с вами их еще на месяц”.

Она покачала головой, выражение ее лица было радостным.

“Вы не смогли бы вытащить меня из Гальтона с помощью тяглового луча, Ваша Милость”.

“На самом деле я не думала об этом с такой точки зрения”, - сказала Харрингтон со смешком. “И все же, я думаю, это справедливо. Особенно с тех пор, как вы были так добры, что не сообщили обо всей операции раньше времени. Хорошо иметь освежающие доказательства того, что на свете действительно есть этичные репортеры. Боюсь, у меня слишком большой опыт общения с журналистами другого сорта.”

“У меня тоже”, - признала О'Ханрахан. “И я должна признаться, что я не всегда могу быть такой “этичной” и честной, как мне бы хотелось. Это приходит вместе с территорией”.

Ее сожаление было искренним, хотя она надеялась, что Харрингтон никогда не поймет, как много было вложено в “территорию”.

Она оглянулась на Тешендорф.

“Так много зла”, - сказала она мягко, с полной искренностью. “Я могу понять людей, которые готовы посвятить свою жизнь какому-то делу. Я сама готова. Я это делаю. И иногда причины, которые мы выбираем, могут потребовать трудных решений, вещей, которые мы действительно предпочли бы не делать. Вроде того, что вам пришлось сделать здесь, в Гальтоне, я полагаю. Но принять ту стратегию и действия, которые совершили эти люди...!”

“Причины могут быть хитрыми пройдохами. Действительно трудно избежать проверки своих угрызений совести у двери, когда вы покупаетесь на одну из них. И то, что Мика Хенке нашла на Мезе, по крайней мере, является доказательством того, с чего начинали эти люди. Очевидно, что по пути они побывали в очень темных местах, но трудно винить мотивы, которые, вероятно, были у их основателей, когда они отправлялись в путь.”

“Вы действительно так думаете?” О'Ханрахан снова посмотрела на нее с удивлением.

“Конечно.” Харрингтон казалась почти удивленной реакцией О'Ханрахан. “В то же время, однако, благие намерения не являются оправданием ужасных результатов, и вы правы насчет зла там, внизу — снаружи”. Она махнула рукой в направлении орбитальных поселений. “Единственные люди, с которыми я когда-либо сталкивалась, близкие к фанатизму Согласия, по крайней мере здесь, в Гальтоне, - это масадцы. И во многих отношениях они очень похожи.

Для масадцев это их собственная извращенная интерпретация Бога, которая заставляет их совершать ужасные поступки. Но поскольку Бог предписывает им нетерпимость и решимость заставить всех остальных верить так, как они верят, то они не совершают зла. Они делают только то, чего хочет Бог, и это делает злым любого, кто противостоит им. И это также оправдывает все, что они делают с отступниками, потому что, когда Бог хочет, чтобы они что-то сделали, любой поступок, каким бы мерзким он ни был, автоматически становится святым”.

Сейчас ее глаза были очень темными.

“А для Согласия это их осознание того, насколько большой человеческий потенциал можно было бы реализовать, освободить, если бы только узколобая, фанатичная нетерпимость не стояла на пути. Будущее, которое они видят, настолько ярко, настолько великолепно, что все, что они должны сделать, чтобы достичь его, является частью той же яркости. И поскольку они видят это так ясно, поскольку они понимают это так полно, они не могут по-настоящему поверить, что кто-то другой этого не понимает. Я имею в виду, правда есть правда, не так ли, Одри? Поэтому любой, кто стоит на пути моей правды, должен быть вдохновлен на то, чтобы делать то, что, как он знает, является морально неправильным из-за эгоизма, или фанатизма, или жадных личных интересов. И это оправдывает все, что я должен сделать с ними, чтобы добиться славы, которую они отринули.”

“Я вижу это”. О'Ханрахан кивнула. “На самом деле, я могла бы также признать, что с того момента, как я впервые услышала о Леонарде Детвейлере и о том, чего он хотел достичь, я подумала, что это, вероятно, самое великое, к чему мы могли стремиться. Но из всего, что я когда-либо могла найти о его жизни, из его собственных сочинений и людей, которые его знали, он был бы в ужасе от чего-то подобного”.

“Я уверена, что это так”, - кивнула Харрингтон. “Но это еще кое-что о причинах. У них есть эта мерзкая привычка уходить от своих основателей и превращаться в что-то, что они никогда бы не узнали”.

Минуту или около того они стояли молча, а затем Харрингтон встряхнулась.

“Ну что ж! Если вы собираетесь остаться, вам, вероятно, стоит присоединиться ко мне, Мике, Альфреду, Паскалин и Чин-Лу за ужином сегодня вечером. Антон Зилвицкий тоже будет там.”

“Правда?”

“И я думаю, что Дэмиен Харахап и Индиана Грэхем тоже будут”, - сказала Харрингтон, кивнув. “Команда Антона будет болтаться поблизости, и Охотники за Привидениями присоединятся к ним. Капитан Аль-Фанудахи и большинство других все еще находятся в пути с Солнечной системы, но они должны быть здесь в ближайшие несколько дней. Как и у Мики, у них была большая практика копать в секретах покоренных планет. И, по крайней мере, у них есть много данных, которые нужно раскопать.”

О'Ханрахан снова кивнула. Без сомнения, Адебайо унесла с собой в могилу множество военных секретов Согласия Гальтона, но оккупационные силы изолировали буквально Т-столетия подробных записей Джулиана Хаксли, старейшего и крупнейшего из поселений Тешендорфа. Копание в них заняло бы даже у такого человека, как Антон Зилвицкий, годы.

“Я попрошу Мику и Антона держать вас в курсе того, что они раскопают”, - продолжила Харрингтон. “Однако я не могу обещать полной прозрачности”. Она пожала плечами. “Как я уже говорила ранее, несомненно, есть какие-то второстепенные узлы, которые мы еще не нашли, и неизвестно, какая случайная подсказка может предупредить одного из них о том, что мы нашли хлебные крошки, ведущие к ним, если она выйдет преждевременно”.

“Я понимаю, и я осознаю, что вы больше не будете командовать, Ваша Милость”, - сказала О'Ханрахан, хотя она не смогла подавить серьезный приступ разочарования. И не только потому, что она была репортером. Если то, что Фиби сказала ей, было правдой, никто в Гальтоне не должен был даже подозревать о существовании ее собственного Согласия, но О'Ханрахан чувствовала бы себя счастливее, если бы смогла подтвердить это сама.

“Не разочаровывайтесь!” - упрекнула Харрингтон. “Мика - разумная женщина. Она не собирается отгораживаться от вас только ради того, чтобы отгородиться!”

“Я знаю”, - признала О'Ханрахан. “И я обещаю быть разумной. До тех пор, пока она будет.”

“Ну, это должно заставить ее сотрудничать!” Харрингтон рассмеялась. “Держать вас в курсе событий, или позволить самому назойливому мусорщику галактики раскапывать все грязное белье!”

“Я никогда не думала об этом в таком ключе, Ваша Милость”, - невинно сказала О'Ханрахан. “Большей частью, во всяком случае”.

“Я уверена.”

Харрингтон тряхнула головой, затем глянула на хроно.

“У меня встреча с генералом Гибсон примерно через пятнадцать минут, так что мне нужно подняться в мою комнату для брифингов. Я жду вас на ужин в восемнадцать сто, если это удобно?”

“О, я полагаю, я могу освободить место в моем переполненном социальном ежедневнике”, - ответила О'Ханрахан.

“Хорошо.”

Харрингтон легонько коснулась ее плеча, наклонилась, чтобы поднять Нимица, а затем направилась к открытому люку, ведя за собой своих личных оруженосцев.

О'Ханрахан смотрела, как она уходит, затем глянула на Андерле прежде, чем снова посмотрела на Тешендорф.

Она была несколько ошеломлена тем, насколько сильно, как она обнаружила, ей нравится Харрингтон, и она была рада, что герцогиня смогла провести четкое различие между Соглашением — Взаимодействием, как она предполагала, — на Мезе и тем, что она обнаружила здесь. И задачей О'Ханрахан было бы донести это отличие до всей остальной галактики. Помогло то, что то, что Большой Альянс нашел в Гальтоне, было настолько извращенным, настолько темным, что разницу между двумя итерациями одной и той же мечты было бы легко найти.

Все это было правдой, но ее личная мотивация была еще глубже. Репортеру в ней нужно было сорвать струпья, вскрыть рану и выставить ее на исцеляющий свет общественного внимания. Не только потому, что это послужило бы ее собственному делу, но и для того, чтобы наказать любого, кто мог превратить ее мечту, ее видение во что-то настолько темное и извращенное.

Конечно, в конце концов ей придется вернуться в Лигу. Но она уже знала, что будет частым гостем здесь, в Гальтоне, продолжая свои собственные исследования, и, несмотря на гнев и отвращение, которые, как она знала, будут сопровождать ее выводы, ей не терпелось заняться этим.